

журналъ явно рассчитанъ на вывозъ въ Россію. Тамъ онъ долженъ имѣть успѣхъ именно благодаря научно-популярному отдѣлу. Кстати — все статьи иностранныхъ сотрудниковъ помѣчены «переводомъ съ рукописи».

Мпх. Ос.

Ф. Степуна. — *Основные проблемы театра* (Изд. «Слово», Берлинъ, 1923 г.)

Книга Ф. Степуна состоитъ изъ трехъ главъ, точнѣе — статей: «Природа актерской души», «Основные типы актерскаго творчества» и «Театръ будущаго». Внѣшней связи между ними какъ будто нѣтъ, и книга, на первый взглядъ, производитъ впечатлѣніе чуть ли не сборника отдѣльныхъ, самостоятельныхъ этюдовъ; въ действительности-же впечатлѣніе это — неправильно, и авторъ книги справедливо настаиваетъ въ своемъ предисловіи на томъ, что «Основные проблемы Театра» — «оношодъ не три статьи, собранныя въ одну книгу, но книга, написанная въ формѣ трехъ статей, связанныхъ между собою единствомъ темы и общностью настроенія»... И бы сказала еще: общностью настроенія, тона и единствомъ мысли. Въ основѣ «Основныхъ проблемъ Театра» лежитъ определенная концепція жизни и искусства. Заглавіе книжки — неудачное, конечно: слишкомъ узкое, съ одной стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ широкое. Театръ, актеръ являются здѣсь, мнѣ кажется, точкой отправленія мысленія Степуна и, одновременно, иллюстраціей его тезисовъ, частнымъ фактомъ, размыслимъ надъ которымъ онъ выискивалъ себя и отдѣлалъ собственную концепцію жизни и искусства, чтобы, затѣмъ, этому же факту найти подобающее мѣсто въ общей системѣ.

Все четыре статьи изобилуютъ очень интересными и цѣнными замѣчаніями; отдѣльные мысли поражаютъ подчасъ мѣткостью своей; классификаціи и схемы, во второй статьѣ напр. — «Основные типы актерскаго творчества» чрезвычайно удобны и обладаютъ методологическимъ значеніемъ.

Со всемъ тѣмъ книга Степуна въ общемъ можетъ вызвать рѣзкій отпоръ. Въ этомъ даже, быть можетъ, и достоинство ея: она проинициута чрезвычайно определеннымъ умонастроеніемъ, въ ней господствуетъ очень определенный тонъ, и люди — ихъ теперь большинство среди насъ, русскихъ — которымъ умонастроеніе это и тонъ болѣе или менѣе близки, отнесутся къ Ф. Степуну весьма сочувственно; въ другихъ же она возбудитъ противоположеніе. Такого, напр. отношеніе являющаго эти строки. Конечно, въ

подобной враждебной позиціи много субъективнаго; но вѣдь пропикнута субъективизмомъ и книга Стенуна; онъ и самъ признается въ этомъ: наиболѣе интересна настроенность ея, ся «музыка» душевная и духовная; и вотъ, самая музыка эта, трудно опредѣляемая, но уловимая, должна вызвать въ умахъ иного склада желаніе спорить, или, лучше сказать — протестовать. Тѣмъ болѣе, что языкъ тотъ строй мысли, который отражается въ книгѣ Стенуна, является доминирующимъ въ русской философской литературѣ («Софійцы» всѣхъ отъѣзиковъ) и звучитъ настолько громко, что создается впечатлѣніе будто ничего другого уже и нѣтъ, будто именно въ немъ, въ этомъ строѣ, ищешь свое подлинное своеобразное выраженіе русской души, будто здѣсь именно и явлено, наконецъ, лицо его, и сказано то слово, которое мы призваны произнести.

«Каждый человѣкъ, осознающій себя на достаточной глубинѣ, неизбежно сознаетъ себя въ раздвоеніи. Каждый данъ себѣ какъ бы двоику, данъ себѣ какъ несовершенство, какъ то, что онъ есть, и какъ совершенство, какъ то, чѣмъ онъ долженъ стать; данъ себѣ, какъ фактъ и заданъ себѣ, какъ идеалъ; данъ себѣ, какъ хаосъ и заданъ себѣ, какъ космосъ; данъ себѣ, какъ шумъ вѣчнаго хочется и заданъ себѣ, какъ строй единого хочу».

Замѣчательная фраза! Въ ней отражаются почти все особенности того типа русского мышленія, однимъ изъ представителей котораго является Стенунъ.

Здѣсь утверждается нѣкоторый психологическій фактъ, добытый какъ будто изъ опыта, изъ внутреннего опыта: на известной глубинѣ человѣкъ сознаетъ себя въ раздвоеніи. Почему непременно въ раздвоеніи? Почему не въ «растрясеніи»? На известной глубинѣ мы все (кто способенъ въ себя вглядываться) знаемъ себя множествомъ, разбѣченными на множество элементовъ, почти расплещеными. Но Стенуну нужно именно раздвоеніе «факта» и «идеала», «хаоса» и «космоса», «хочется» и «хочу». Но это противопоставленіе не есть выраженіе факта внутреннего опыта, а схема до всякаго опыта придуманная и схема ложная. Ничего соответствующаго ей мы въ своемъ внутреннемъ опытѣ не найдемъ. И это уже не субъективное только мое мнѣніе: объ этомъ свидѣтельствуетъ вся художественная литература, и русская, и французская, и нѣмецкая.

Къ сожалѣнію (или къ счастью), человѣкъ нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ то представляется, повидимому, Стенуну; въ человѣкѣ, свидѣтельствующъ художнически, единственные наши учителя въ психологіи — тысячи «идеаловъ», тысячи «хочу», без-

числешное множество «космосов». Ф. Степунъ не художникъ, конечно. Грѣха въ этомъ нѣтъ, но схематическій догматизмъ его высказываній о человѣкѣ — свидѣтельство его пренебреженія реальностью; и въ этомъ уже я усматриваю грѣхъ, и не одного лишь Степуна.

Мышленіе автора не оперируетъ съ дѣйствительностью многообразной, незаключенной, отрывочной, случайной, но лишь съ какой то «шляпкой» изъ нея, если можно такъ выразиться. Схема — какъ пріемъ, какъ методъ — вполне допустима, необходима даже; но схема — въ качествѣ матеріала мышленія, схема, окончательно замѣняющая собою реальность, — опасна и вредна, тѣмъ болѣе когда въ основѣ ея лежитъ моральная, оцѣнивающая тенденція. Но таково именно противопоставленіе Хаоса и Космоса, идеала и факта, хочется и хочу: оно не есть констатированіе факта, но схематизація фактовъ во имя моральной тенденціи. Вотъ этотъ морализмъ и ирреализмъ и представляются мнѣ наиболѣе характерными чертами предстоящаго намъ сейчасъ умонастроенія, особенно ярко отразившимися въ книгѣ Степуна.

Изъ этого пренебреженія дѣйствительностью, какъ таковой, неосмысленной, неупорядоченной, аморальной, изъ этого притупленія чувства реальности, неспособности въ реальности этой ориентироваться, вырастаетъ и русскій эсхатологизмъ, нетерпѣливый и наивный. Парадоксальное, но психологически вполне понятное явленіе: непріятіе данности, какой бы то ни было, непріятіе настоящаго, въ сферѣ — политической, художественной, философской, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увѣренность въ близкомъ и чудесномъ рожденіи прекраснаго, всеразрѣшающаго будущаго..

«Жизнь, изживаемая нами — не жизнь вовсе... Жизнь, изживаемая нами, — всегда только потенція жизни... Въ концѣ концовъ, наша жизнь — только изжанию не сдержанное обѣщаніе жизни. Ничто не вырѣзаетъ и ничто не завершается. Вся она случайность и приблизительность... Какъ наши мысли... притупляются жизнью въ полумысляхъ, такъ притупляются ею и наши чувства... Такою же приблизительностью отбѣжены и все наши жизненные встрѣчи и связи съ людьми»... И дагѣ опять: «Жизнь, изживаемая нами изо дня въ день, — не жизнь вовсе. Въ ней господствуетъ слѣпой случай, въ ней царитъ обманъ»...

Подлинная жизнь — «это жизнь какъ содержаніе трагедіи»: «Въ эстетической атмосферѣ трагедіи ничто не гибнетъ, ничто не пропадаетъ. Въ ней всякое чувство обязательно вырѣзаетъ до страсти, всякое размысленіе до мысли, всякая мысль до идеи».

Если это не «литература», а подлинная *profession de foi*, то въ фразахъ этихъ, въ этомъ «міронастроеніи» — узелъ всей книги, и спорить противъ идейныхъ конструкций Ф. Степуна невозможно, да и не нужно тому, кто хоть нѣсколько цѣнитъ и любитъ эту реальность, именно случайность, ущербленность, незавершенность ея, кто не чувствуетъ необходимости «метафизическаго осмысленія» всѣхъ моментовъ жизни, кто не хочетъ моральнаго оправданія ея, кто цѣнитъ «проблематичность» и отказывается отъ «установки всѣхъ мыслей и чувствъ на неизблемыхъ метафизическихъ основаніяхъ» — реалисту однимъ словомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно примѣнить выраженіе это къ Гете, къ Ницше, къ Монтаню. Но Степунъ, подобно многимъ другимъ, весь во власти Шиллера и его этического и эстетическаго идеализма.

Когда то Ницше освободился отъ романтизма съ помощью французскихъ скептиковъ, психологовъ и моралистовъ. Мы же вовсе ихъ не восприняли. Но какъ цужны они намъ! Какъ цужень намъ Гете!

Б. Шлецеръ.

Голосъ Минувшаго. 1923 г. №2 Мартъ-Апрѣль.

Въ Москвѣ вышла очередная книжка «Голоса Минувшаго». Изъ ея разнообразнаго содержанія отмѣтимъ прежде всего статьи, бросающія яркіе блики на бытовую укладъ русской провинціи въ различные моменты XIX столѣтія. Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній А. И. Ишимовой, известной писательницы для дѣтей, современницы Жуковскаго и Пушкина. Въ 1819 г. отецъ Ишимовой былъ сосланъ по распоряженію всеильнаго Аракчеева въ Усть-Сысольскъ за то, что рѣшился взять на себя веденіе судебного дѣла въ качествѣ ходатая отъ крестьянъ противъ одного родственника Аракчеева. Ишимова и даетъ живое изображеніе нравовъ въ русскомъ уѣздномъ городкѣ сто лѣтъ тому назадъ. Какимъ глубокимъ «иносхожемъ» вѣетъ отъ этой картины! Жители Усть-Сысольска не имѣли понятія о танцахъ, и на именинномъ ширѣ у мѣстнаго судьи собравшіеся гости водили хоровацы, при чемъ всѣ дѣвочки мѣстнаго божонца были въ платочкахъ. Прибытіе изъ столицы семьи Ишимовыхъ произвело цѣлный переворотъ въ жизни устьсысольскаго «свѣта»; провинціалы не захотѣли ни въ чемъ отстать отъ столичной барышни, побросали платочки, повыпеквали изъ губернскаго города чернаховыя гребенки и начали подъ руководствомъ Ишимовой взауцети изучать столичные танцы. Довольнейшемъ къ этой картинкѣ высшаго свѣта тогдашняго уѣзднаго города могутъ служить изложенныя тутъ же